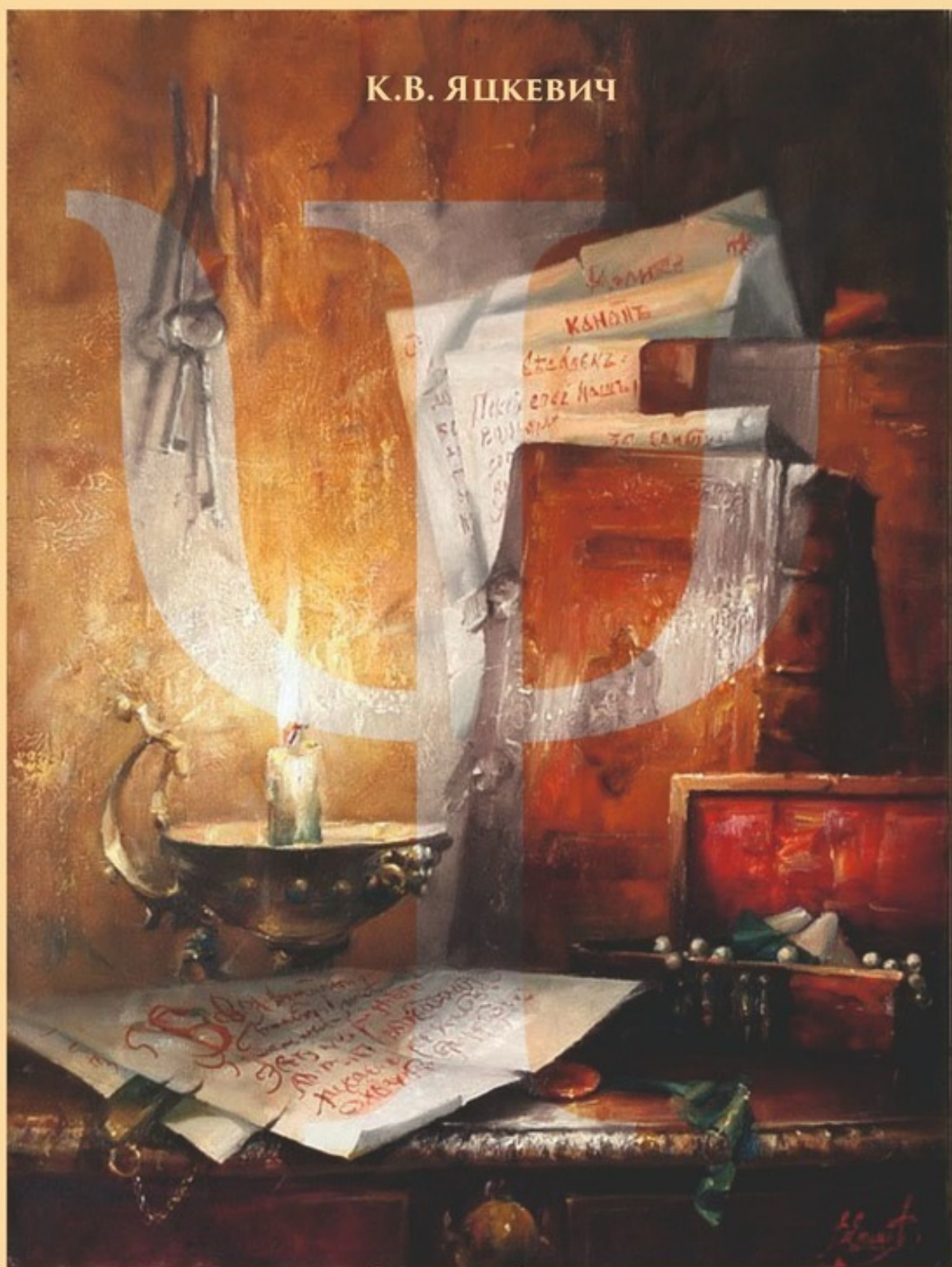

К.В. ЯЦКЕВИЧ

Заметки о
христианской психологии

Константин Яцкевич

**Заметки о христианской
психологии. Дополнение к курсу**

«Издательские решения»

Яцкевич К. В.

Заметки о христианской психологии. Дополнение к курсу /
К. В. Яцкевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960786-7

Книга является дополнением к курсу «Теоретические основы христианской психологии» и содержит статьи, дополняющие основной курс и расширяющие представление о христианской психологии через призму современных знаний. Многие темы, рассматриваемые в этой книге, относятся к наиболее глубинным, составляющим основу согласного учения отцов о душе. Среди них: психология покаяния, природа «ветхого» и «нового» человека, сны и сновидения, понятие о духовном теле, сакральные символы Четвероевангелия и др.

ISBN 978-5-44-960786-7

© Яцкевич К. В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Об истории создания курса	7
О курсе	14
О психологии покаяния	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Заметки о христианской психологии Дополнение к курсу

Константин Владимирович Яцкевич

© Константин Владимирович Яцкевич, 2019

ISBN 978-5-4496-0786-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных

Вместо предисловия

Школа христианской психологии и проект «Христианская психология» предлагают Вашему вниманию дополнение к учебно-методическому пособию по основам христианской психологии – *«Заметки о христианской психологии»*.

В данной книге собраны отдельные статьи, дополняющие основной курс и расширяющие представление о направлении христианской психологии, как согласного учения отцов Восточной Церкви о душе, через призму современных знаний и понятийного аппарата современной психологии.

Многие темы и вопросы, которые рассматриваются в этой книге, можно смело отнести к наиболее глубинным и сущностным, составляющим основу согласного учения отцов и сакрального знания о силовом (энергийном) устройстве души, включая процессы изменения (преобразования) души. Среди них: психология покаяния, природа «ветхого» и «нового» человека, природа сна и сновидений, понятие о духовном сердце и двоякости веры, представление о первородном повреждении души, понимание сакральных символов Четвероевангелия, представление о духовном теле и др.

Наряду с аспектами догматического и вероучительного характера, параллельно в книге освещаются наиболее деликатные вопросы научно-практического характера, среди которых понимание травмы души и психики, принцип эмпатии и беспристрастности, соотношение душепопечения и христианской психологии и др.

Не оставлены в книге без внимания и некоторые проблемные и философские вопросы, активно обсуждаемые в церкви и касающиеся причин раскола современного православия, формализации, схоластики и рационализации современного богословия, которые освещаются с точки зрения согласного учения отцов церкви.

Отдельным блоком в книге помещены интервью по наиболее животрепещущим и актуальным вопросам христианской психологии, данные автором руководителю Международного клуба православных литераторов «Омилия» – Светлане Коппел-Ковтун и вызвавшие большой социальный резонанс.

Есть в книге и «изюминка» для многих ищущих и верующих – описание основ психологии молитвы в вопросах и ответах и мнения отцов о возможности самостоятельного обучения сердечной молитве. В разделе случай из практики «В гости к батюшке Серафиму» рассматривается конкретная жизненная ситуация, которая не вписывается ни в какие психологические рамки и трогает до глубины души, давая ясное понимание всей важности и востребованности сегодня направления кризисной христианской психологии, которое до сих пор ещё не оценено в должной мере церковным руководством, как эффективный инструмент помощи страждущим в решении многочисленных проблем, связанных с воцерковлением.

Задача этой книги расширить представление о курсе основ христианской психологии, как очень важном направлении помощи нуждающимся и попытаться донести до сознания читателя предельно правильное представление о сути святоотеческой христианской психологии, как наиболее верном знании об устройстве души, методологии изменения состояния души и высшем предназначении человека.

Об истории создания курса

В этом разделе хочется рассказать о тех событиях, которые имели место в то благодатное время 2011 – 2012 г, когда в рамках духовно-просветительской церковно-государственной программы «Семья-Единение-Отечество» в г. Минске только создавалась первая школа христианской психологии и сама христианская или православная психология была на самом пике своего подъёма, как новое направление человеческой деятельности, тесно связанное с миссионерством, православием и научной психологией.

Главным, что привлекало тогда к православной психологии многих ищущих и неравнодушных людей, озабоченных состоянием общества, входящего в эпоху административного капитализма и углубляющегося кризиса, была по всей видимости та духовная свобода только открывшейся новой ниши научно-исследовательской и практической деятельности, которая была тесно связана с православием, нравственностью, психологией и находилась на самом острие, т.е. на передовой фронта социальных проблем, связанных с противостоянием традиционных христианских ценностей и неолиберальных, активно продвигаемых с запада целым рядом крупных фондов и общественных структур.

Именно на этом фронте борьбы за духовно-нравственные христианские ценности и делала свои первые шаги православная психология, как новое и самостоятельное направление человеческой деятельности, в которое влились изначально самые неравнодушные, трезвые и деятельные, если уместно это слово пробужденные нравственно специалисты, приобщённые к вере и готовые к социальному подвигу и добровольческому служению, не отягощённому коммерческими ожиданиями.

Именно такие люди и составили в 2011 г. ядро Минской школы христианской психологии, в числе которых были участники республиканской духовно-просветительской программы «Семья-Единение-Отечество»: кризисный психолог и онкопсихолог М. И. Хасьминский, кризисный психолог К. В. Яцкевич, психолог и медик С. А. Куницкая, психолог Ю. Э. Краснов и другие специалисты, поддержавшие идею создания вначале Клуба, а позднее и Школы христианской психологии.

Собственно именно на Клубе христианской психологии, который объединил более 40 специалистов и размещался изначально в помещении Дома православной книги по ул. Берестянской 17, и была сформулирована идея школы, учебного курса, а позднее подготовлена и учебная программа по теоретическим основам христианской психологии. Именно на площадях Дома православной книги первые 2 года проходили заседания клуба и школы и был получен первый опыт практического православного консультирования посредством техники работы с психикой и душой одновременно.

Участие в работе Духовно-просветительского центра при Доме православной книги священников БПЦ – отца Дмитрия Гриценко, отца Александра Веремейчика и отца Владимира Башкирова, создавало для клуба православной психологии прекрасную возможность духовного окормления и консультативной помощи. Митрофорный протоиерей Владимир Башкиров был доктором богословия, заведующим кафедрой богословия и истории Церкви «Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла» БГУ и профессором духовной академии, а потому в его лице клуб и школа имели прекрасного эксперта по самым разным богословским вопросам.

Иерей Александр Веремейчик был из числа тех священников, кто хорошо владел многими аспектами современной психологии и как ведущий «Школы православной семьи» при Духовно-просветительском Центре Дома православной книги очень часто присоединялся к работе нашего клуба и школы. Иерей Дмитрий Гриценко, будучи руководителем Центра защиты материнства и семейных ценностей БПЦ, участвовал в нашей работе в меньшей сте-

пени, но именно он на первом этапе оказал нам наибольшую помощь в организации консультативной практики, направляя к нам нуждающихся.

Этот бесценный опыт клубной работы и христианского психологического консультирования, полученный тогда и стал впоследствии тем фундаментом и основанием, которое легло в основу данного направления и соответствующего учебного курса, которым заинтересовалось руководство Минского духовного училища и который был внедрён в 2015 г. в учебный процесс в качестве самостоятельного пилотного профессионально-ориентированного модуля на отделении катехизаторов.

К этому времени уже произошли известные события, связанные со снятием В. В. Грозова с должности исполнительного директора Издательства белорусского Экзархата и последовавшим закрытием республиканской духовно-просветительской программы «Семья-Единение-Отечество». Одновременно с программой был закрыт, а точнее оставлен на произвол и крупный семейный проект «Сёмково», связанный с созданием на базе бывшего дома-интерната в посёлке Сёмково Республиканского центра семьи и помощи семье в кризисной ситуации. Можно сказать, что в значительной мере именно под нужды этого центра Грозовым и было инициировано создание направления, Клуба и Школы православной психологии.

Таким образом, Минское духовное училище в лице директора Иоанна Задорожина замкнуло на себя в 2015 г. по существу те наиболее крупные проекты, как «осколки» из общего перечня направлений, которые остались как бы ни у дел, после снятия В. В. Грозова и которые должны были функционировать под эгидой программы и одноимённого благотворительного фонда «Семья-Единение-Отечество».

В числе тех направлений, которые были включены в виде профессионально ориентированных модулей в учебные планы Минского духовного училища, кроме направления православной психологии, были направление православной журналистики и православного краеведения.

В итоге, по благословию митрополита Минского и Заславского Павла, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, Минское духовное училище объявило в августе 2015 г. первый в Республике Беларусь конкурсный набор слушателей на новый пилотный курс «Православная психология» для лиц, имеющих базовое психологическое образование, не имеющих такового и всех, интересующихся православной психологией. На курс было подано более 70 заявлений, а в первую группу в результате конкурсного отбора было включено 35 человек.

Как показали последующие события, несмотря на большой интерес к учебному курсу, у церковного руководства в лице митрополита Павла и его ближайшего окружения не было особой заинтересованности в его развитии, а тем более с учётом того, что руководство курса представляли ближайшие соратники В. В. Грозова, который тогда был публично объявлен фактически «врагом» Церкви. Кроме того, дополнительные сложности на перспективу создавало и отсутствие, а точнее утрата той материально-технической базы и платформы в виде центра «Сёмково», под который проект создавался.

Все наши попытки тогда пробить стену непонимания и недоверия к нам со стороны митрополита Павла и его окружения не увенчались успехами. Ни на одно из писем, направленных ему лично, включая республиканскую концепцию развития в Республике Беларусь кризисной помощи и приходского консультирования, а также проект создания в г. Минске центра кризисной православно-психологической помощи, мы не получили ответа. Более того, наши инициативы стали вызывать всё большее неприятие у церковного руководства, которое было обеспокоено тем, что курс не имеет постоянного куратора из числа священников БПЦ.

Сложная ситуация складывалась и по двум другим пилотным направлениям – православной журналистики и православного краеведения. В дополнение ко всему от одной из слушательниц курса руководству Минского духовного училища поступила жалоба о том, что на курсе озвучиваются чересчур откровенные духовные знания, выходящие далеко за рамки православ-

ного катехизиса. Это недоразумение на фоне общего недоверия к нам со стороны окружения митрополита стало последней каплей, которая переполнила чашу терпения к нам.

В итоге, после откровенного разговора с директором Минского духовного училища отцом Иоанном наш курс по обоюдному согласию был выведен из его учебного плана. Аналогичная ситуация имела место и с двумя другими направлениями. Вместе с тем, направление православной психологии, имевшее в то время значительный опыт, не плохой кадровый потенциал и наиболее проработанную психологически учебную программу, кстати, одну из лучших среди имеющихся аналогов, продолжило существование уже в общественном формате.

Утрата курсом официального статуса Минского духовного училища сразу же отразилась на его посещаемости и из 35 человек первичного набора осталось только 20. Тем не менее, именно эти 20 человек, среди которых были и специалисты и основательно воцерковлённые люди, и составили то ядро курса, которое создало удивительную атмосферу христианской соборности, честности и открытости, что позволило успешно закончить начатый ещё под эгидой Минского духовного училища курс и рассмотреть на семинарах самые глубокие темы и разделы христианской психологии и в частности – психология молитвы, психология умного делания, кризисная христианская психология, психология юродства, основы православно-психологического консультирования и др.

Возвращаясь к истокам создания клуба, школы и курса «Теоретические основы христианской психологии», хочется обязательно сказать о том, что создание этого курса носило подлинно соборный характер, поскольку все темы обсуждались соборно на заседаниях клуба и по существу все присутствовавшие, среди которых были преимущественно воцерковлённые специалисты, имеющие высшее психологическое образование, принимали участие в выработке тех или иных подходов и концепций.

Говоря о самом курсе и характере его направленности, нельзя не отметить того обстоятельства, что руководством Минской школы православной психологии изначально был взят курс на святоотеческую православную психологию и учение отцов церкви о душе и её тричастной природе, как незыблемый по сути методологический базис, который проверен тысячелетиями и наиболее верно отражает сущностную природу души и те сверхъестественные процессы и закономерности, которые лежат в основе душевно-духовного роста.

Связано это было с тем, что уже в 2012 г. направление православной психологии, получившее импульс к развитию на фоне общего возрождения православия, стало концентрироваться преимущественно на практических направлениях работы и в частности профилактике суицидов, доабортном консультировании, работе с зависимостями, различных кризисных ситуациях, помощи жертвам насилия, семейной психологии и т. д. Связано это было именно с тем, что именно в этих направлениях психологической помощи очень требовался не светский, а нравственно-ориентированный христианский подход и христианская психология оказалась именно тем инструментом, который в наибольшей степени удовлетворял данный социальный запрос.

Священники в данной ситуации получали от христианской психологии значительную помощь и облегчение в работе, поскольку частично снимали с себя не свойственные функции кризисных психологов и могли в ряде сложных ситуаций рекомендовать своим прихожанам и страждущим соответствующую православно-психологическую литературу и специалистов – психологов. Следует отметить, что православно-психологической литературы в то время издавалось не мало. Именно тогда наибольшую популярность у многих получила серия книг «Компас для души» специалиста в области информационных технологий Дмитрия Семеника и кризисного психолога Михаила Хасьминского.

Данная серия начала издаваться В. В. Грозовым в Издательстве Белорусского Экзархата в 2011 г. и стала весьма популярной среди священства, социальных педагогов и психологов, как весьма действенный инструмент профилактической и духовно-просветительской работы.

Одними из первых книг данной серии были книги «Настоящая Любовь», «Самоубийство, ошибка или выход?», «Как улучшить отношения с родителями», «Примириться с болезнью», «Как пережить расставание». Позднее стали появляться и другие книги «Опыт счастливых», «Наполни жизнь любовью», «Выбери жизнь», «Человек умер, что делать?», «Как пройти кризис» и другие. В итоге, серия выросла до 20 книг и стала мощным практико-ориентированным инструментом, требовавшим своего продвижения к адресату.

Любопытно, что наша первая консультативная практика на площадях Дома православной книги была тесным образом связана с работой книжного магазина, которым руководила Ирина Савьюк, поскольку у нас в традицию вошло рекомендовать после консультации нашим клиентам те или иные книги подходящие по ситуации из числа имеющихся в магазине. Поскольку работа осуществлялась на основе пожертвований, приобретение книг в магазине было прекрасной формой благодарности за оказанную консультативную помощь.

Учитывая важность практической помощи нуждающимся, у руководства клуба и школы православной психологии было чёткое понимание важности не только практической деятельности, но и теоретической базы для подготовки специалистов, как православных психологов, которым предстоит трудиться в рамках весьма специфической парадигмы христианской и православной психологии, которая должна базироваться сугубо на христианских ценностях, т.е. на православном катехизисе, Священном Писании и святоотеческом предании.

Именно в этой связи очень остро встал вопрос методологического базиса, поскольку понятие морали и нравственности очень пластично и растяжимо, а подлинно христианским и православным может быть только тот подход, который зиждется на православном катехизисе, Священном Писании и святоотеческом предании. Любой другой подход при всей его морально-нравственной ориентированности и позитивности может и не отвечать критериям христианства и православия, а соответствовать модели той же гуманистической, нравственно-ориентированной или интегративной психологии.

Это обстоятельство и вызвало к жизни настоятельную необходимость обращения именно к святоотеческому наследию и преданию и сверке всего методологического базиса создаваемого курса основ православной психологии со святоотеческим наследием и учением отцов церкви о душе, её тричастной силовой природе и тримерии человека в составе тело, душа, дух через призму трёх состояний человеческого естества – телесное, душевное, духовное.

Когда мы углубились в изучение святоотеческого наследия и предания, составляющего неизменный на протяжении более чем двух тысячелетий базис святоотеческой православной психологии, перед нами открылась подлинная бездна весьма специфического знания о душе, её тричастной природе (ум, чувство, воля) и пути души, которое не имело никаких научных аналогов и которое ни коим образом не было связано ни с парадигмой академической психологии, ни с православным катехизисом, как ни странно.

Научная психология просто не имела представления о таких понятиях и категориях, как Дух (Бог), душа, силы души, предназначение души, качества души, страсти, добродетели, грех, покаяние, созерцание, благодать и т. д. и т.п., которые отражали некие незримые информационные и энергетические процессы, протекающие в природе человека. Православный катехизис в некоторой степени давал самое общее представление о Символе веры и сути православного вероучения, но он также не углублялся в понимание природы человеческой души и той методологии, которая лежит в основе изменения её качеств и общего состояния.

Говоря другими словами, вставшая перед нами проблема состояла в том, что тот язык и понятийный аппарат, который использовался в православном катехизисе и соответствовал концу 18-го века, был уже безнадежно устаревшим для объяснения того, что происходит в душе и психике человека, обращающегося к вере и радикально меняющего систему ценностей и ориентиров.

С точки зрения и психологии и богословия, единственной дисциплиной, которая в наибольшей степени отражала всю глубину специфики знания о душе и тех изменениях, которые происходят в ходе воцерковления во всей тримерной природе человека (тело, душа, дух) была православная аскетика, как раздел православного богословия, предметом которого как раз и является изучение процесса возрождения или точнее преобразования повреждённого эгоизмом человеческого естества в процессе христианского подвижничества.

Именно по этой причине аскетические труды отцов Восточной Церкви и сама православная аскетика, как наука о подвижничестве и самом глубоком изменении природы человека, и была взята нами за базис и неизменную методологическую основу создаваемого курса.

Это та подлинная причина, которая и понудила нас углубиться в святоотеческое наследие и предание, чтобы подвести под создаваемый ими курс не академическое, не гуманистическое и не нравственно-ориентированное в самом широком смысле слова, а именно святоотеческое основание и понимание души через призму аскетики с вытекающим именно из этого аскетического понимания инструментарием и практическими подходами.

Сказать, что этот базис и подход существенно отличался от подхода и парадигмы светской психологии – это не сказать ничего. Данный подход своей специфичностью и «экстремальностью» просто шёл вразрез практически всем представлениям светской психологии, поскольку показывал природу человека не нормальной и далеко не совершенной, а глубоко порочной и повреждённой, нуждающейся в исцелении и глубоком изменении (преображении).

Вместе с тем, преимуществом данного аскетического базиса и подхода и было то, что при прочих равных обстоятельствах, он давал поистине фундаментальный взгляд на природу человека по всей вертикали его потенциала – тело, душа, дух и обеспечивал соответствие курса согласному учению отцов о душе и преемственность самой святоотеческой традиции в свете современного понимания аскетики через призму современной психологии.

Это обстоятельство было для нас крайне важным, поскольку тесная связь со святоотеческим наследием и преданием сводила к минимуму возможность любой ереси, сектантства и искажений в понимании тех или иных душевно-психологических проблем и средств их решения.

Как показала жизнь, данный подход и ориентация на святоотеческое наследие и согласное учение отцов церкви о душе, впоследствии полностью себя оправдал, поскольку позднее в христианской психологии на всём постсоветском пространстве начались те самые нежелательные процессы секуляризации, формализации и ухода в отдельные практико-ориентированные направления с подменной подлинно христианского святоотеческого наследия более поверхностным гуманистическим и академическим базисом.

Именно по этой причине утраты прочного и неизменного святоотеческого фундамента и потерпели неудачи многие начинания в области христианской и православной психологии, которые сделали ставку не на аскетический базис и учение отцов о душе, а на нравственно-ориентированный и гуманистический подход, как более поверхностный и секуляризованный. Как мы убедились позднее, святоотеческий подход к пониманию сакральной природы и устройства души всего один, а видов морали, как и гуманистических подходов существует и может существовать множество.

Таким образом, наш клуб, школа и курс изначально сделали ставку на согласное учение отцов Восточной Церкви о душе, заранее зная о том, с каким сопротивлением со стороны наших коллег светских психологов, простых мирян и самого священства нам придётся столкнуться. Тем не менее, нас это совершенно не пугало, поскольку мы все были убеждены в верности этого выбора, как и верности самого согласного учения отцов, которое и можно считать единственно верным знанием о душе и предназначении души, за которым стоит уникальный практический опыт христианского подвижничества и православной аскетики, который проверен и подтверждён не столетиями, а тысячелетиями.

В итоге мы пошли именно этим наиболее сложным и тернистым путём, вызывая на себя яростную критику со всех сторон. Простые верующие относились к нам, как дерзким самозванцам, с известной долей опасения и подозрения, усматривая в наших действиях проявление сектантства, самочиния и неправославности, поскольку инициатива клуба и школы принадлежала мирянам, а не священству, некоторые наши идеи были отчасти новы и многие священники откровенно опасались с нами сблизиться из-за возможной потери репутации. Большинство священства относилось к нам откровенно скептически и настороженно, как проявлению обновленчества в православии, что подогревалось слухами и сплетнями, распускаемыми недругами и недоброжелателями, которые нас не знали и не были с знакомы с курсом.

С подачи Елены Зенкевич, курировавшей тогда в Минской епархии вопросы благотворительности и её бывшего руководителя по социальному отделу отца Олега Шульгина, в интернете появилась клеветническая статья за авторством Юлии Массино «О распространении в Белоруссии оккультизма под вывеской православной психологии и паллиативной помощи». Это была прямая попытка дискредитации самого направления что называется на корню.

Тем не менее, это не только не выбило нас из колеи, но придало сил и уверенности по слову Спасителя

«и будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Лк. 21:17) и «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел.» (Ин. 15:18)

С таким вот настроением «гонимости» всем миром, включая наших братьев и сестёр во Христе, мы создавали и продвигали наш курс и проект. Как ни странно, но та клевета, которая была размещена Ю. С. Массино в интернете на нас и наш курс, а также недоверие к нам нового руководства БПЦ, играли для нас роль замечательного фильтра и своего рода «защиты», которая давала нам известную степень свободы и самостоятельности, ограждая нас от тех, кто ещё не был готов к принятию православной психологии, как научной категории, а не готовых было много и что очень грустно, среди православного священства.

Наиболее консервативные батюшки откровенно считали православную психологию «сектой» и такого же мнения о православной психологии был первое время сам митрополит Павел, мнение которого частично изменилось только после совещания по этому вопросу. Более либеральное священство было более расположено к православной психологии, но и оно усматривало в ней серьёзного «конкурента», который может оттянуть на себя значительную часть страждущих и нуждающихся с их платежеспособным спросом, а потому также относилось к православной психологии с известной долей осторожности и скептицизма. Но сложнее всего у нас строились отношения с нашими коллегами – светскими психологами, которые видели в православной психологии откровенную лженауку и некую «химеру», которая пытается искусственно скрестить психологию с религией. Именно их язвительная и уничижительная критика создавала поле проблем, но в то же время и давала нам больше всего сил и внутреннего заряда для развития и продвижения данного направления. Так работал принцип духовного «тренажёра» и чем больше на нас была сила воздействия, – тем больше была и сила противодействия. Честно говоря, мы любили всех наших недругов и недоброжелателей, ведь именно они давали нам силы жить и двигаться в этом направлении.

В таком вот плотном окружении всеобщего недоверия и непонимания со всех сторон, которое в разы усилилось после снятия с должности В. В. Грозова, как нашего вдохновителя и по сути единственного покровителя, нам пришлось развивать и двигать наш курс. И мы его продвинули несмотря ни на что.

Пройдя вместе через все трудности создания клуба, школы и курса мы все прекрасно осознавали, что православная психология в аспекте учения отцов церкви о душе – это та незыблемая онтологическая и гносеологическая основа, которая лежит в основе наиболее правиль-

ного и практического мировоззрения и пронизывает собой всю деятельность человека и в этом мире и за его пределами.

С чем ещё можно сравнить по значимости учение отцов церкви о душе, как нетленной основе человеческой личности, которая живёт по своим специфическим законам и созревает внутри каждого человека, проходя соответствующие ступени и стадии своего сущностного развития, завершающегося спасением души и воскресением к жизни вечной в новом веке?

Это знание просто несравнимо ни с чем временным, преходящим и тленным. С этим убеждением мы и шли по жизни.

О курсе

Работа над курсом и пособием «Теоретические основы христианской психологии», началась в 2014 г. Общие наброски структура курса были сделаны ранее в процессе работы клуба, а толчком к этому послужили материалы II Международных Свято-Пантелеимоновских образовательных чтений в г Минске в 2006 г. на которых иерей Вадим Коржевский представлял свою книгу «Пропедевтика аскетики. Компендиум по святоотеческой православной психологии». В то время на первой волне подъёма интереса к православной психологии было написано не мало замечательных книг, среди которых этот труд стоял особняком, поскольку был всецело посвящён именно святоотеческой православной психологии.

Отец Вадим презентовал несколько книг организаторам и коллегам – Светлане Анатольевне Куницкой, которая в то время была членом оргкомитета по проведению образовательных чтений под эгидой общества православных врачей, а также Юрию Эдуардовичу Краснову, работавшему научным сотрудником Центра проблем развития образования. У Юрия оказалось 2 книги и одну он любезно презентовал мне. Именно эта книга, прочитанная взахлёб за две недели, и стала побудительным мотивом к созданию учебного курса.

Говоря об этой просто уникальной книге объёмом 646 стр., вышедшей в 2004 г. под эгидой РАО и руководством В. В. Рубцова и А. Д. Червякова, изобиловавшей святоотеческими цитатами, хочется сразу сказать, что на то время это было одно из лучших системных изложений согласного учения отцов Восточной Церкви о душе, её тричастной природе (ум, чувство, воля) и трёх состояниях человека (естественное, нижеестественное и сверхъестественное) через призму православной аскетики.

По существу это была психология аскетики, изложенная в свете антропологии и святоотеческой психологии. Слово пропедевтика, обозначавшее введение и компендиум, как сокращение или сжатие, полностью соответствовали характеру и содержанию данной книги, которая и представляла собой концентрированное изложение святоотеческого учения, как методологию изменения или точнее преобразования природы человека в процессе христианского подвижничества.

Таким образом наша изначальная идея об изложении курса православной психологии современным языком нашла реальное отражение и воплощение в этой книге, которая как бы подготовила для этого соответствующую методологическую основу в виде систематизации святоотеческого духовного наследия через призму аскетики и святоотеческой православной психологии.

Вместе с тем, прекрасно понимая всю важность и значимость этого ёмкого труда отца Вадима, мы отдавали себе отчёт в том, что он представляет собой все же святоотеческий базис, который написан глубинным метафорическим языком святых отцов первых веков христианства и который при всей его верности существенно отличается от языка и понятийного аппарата современного человека, а тем более языка современной психологии.

Проще говоря, получив в руки это бесценное духовное сокровище в виде систематизированного изложения согласного учения отцов о тримерии человека (тело, душа, дух), о тричастности души (ум, чувство, воля) и о трёх состояниях человеческого естества (телесное, душевное, духовное), перед нами встала новая и не менее сложная задача его адаптации и перевода языка и понятийного аппарата святых отцов на язык современной психологии для понимания и усвоения этого духовного знания современным человеком и психологом.

Это была по настоящему сложная и достойная задача, которую и пришлось нам решать впоследствии, имея из инструментов только наш опыт, квалификацию, готовность к служению и соборность. Как выяснилось позднее, из всех этих составляющих ключевую роль в создании курса сыграла именно соборность, которая и позволила нам слить в едином духе все наши

мысли и представления о том, что такое православная психология через призму православной аскетики.

По той причине, что парадигмы святоотеческой православной психологии и академической (научной) ни коим образом не совпадали, имея различные смысловые и методологические основы, различные цели, задачи и понятийный аппарат, перед нами стояла проблема с одной стороны верной интерпретации или толкования святоотеческого предания, а с другой стороны нахождения тех наиболее подходящих аналогов и терминов из психологии научной, которые бы максимально верно передавали смысл духовных понятий, процессов и категорий аскетики. К примеру, как найти в современной психологической науке синонимы или аналогии таким понятиям, как грех, самость, страсть, добродетель, покаяние, метанойя, душа, дух, демон, ангел и т.д.?

Понимая то, что далеко не все понятия из глоссария современной психологии могут передавать специфику душевно-духовных процессов, как энергийных преимущественно, перед нами стояла задача самостоятельного их определения и по сути введения в понятийный аппарат парадигмы православной психологии совершенно новых и искусственно созданных терминов и понятий. Эта задача была, пожалуй, наиболее сложной из всех.

Тем не менее, наша целеустремлённость, единодушие и молитвенный настрой помогли нам решить и её. Можно ли это назвать нашей дерзостью? Наверно, отчасти можно, хотя мы в этой связи руководствовались иным евангельским принципом

«От дней же Иоанна Крестителя донны Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11; 12)

Говоря о курсе и самой святоотеческой психологии, следует обязательно подчеркнуть то малоизвестное многим верующим обстоятельство, почему мы изначально сделали акцент на согласное святоотеческое учение о душе.

Дело в том, что научное богословие (теология) и согласное учение о душе, её природе, структуре и спасении (святоотеческое предание) – это совершенно разные области религиозного знания, хотя очень родственные по сути и тесно переплетающиеся. Тем не менее, богословие больше касается основных аспектов понимания, исповедания и славления Бога-Троицы, а православная аскетика и согласное учение отцов о душе в большей степени касается аспектов православного подвижничества и духовно-аскетической практики.

Проще говоря, богословие (догматическое), как систематическое изложение вероучительных истин (догматов), в большей степени обращено на сущностное понимание Бога-Троицы, тогда как аскетика и согласное учение отцов в большей степени обращено на сущностное понимание природы человека и исследование процесса его возрождения и глубокого изменения (преображения) в ходе христианского подвижничества.

Если богословие и катехизис в большей степени касаются аспектов богослужения и таинств, то аскетика касается понимания разнообразных энергий души человека (страстей и добродетелей) и общих принципов овладения этими энергиями для изменения природы человека.

Проще говоря, именно аскетику можно считать наукой о внутренней дисциплине ума, чувства и воли для овладения духовной силой.

В этой связи всех нас по понятным причинам гораздо больше интересовали именно вопросы аскетики* и согласного учения отцов, как наиболее близкие к антропологии и психологии, имеющие практическую ценность и основу, которая и отражена во всём святоотеческом наследии.

Говоря другими словами, аскетика была нам интересна, прежде всего, потому, что представляла собой с одной стороны самый эффективный способ аккумуляции (накопления) и практического использования энергии благодати, а с другой являлась практическим спосо-

бом познания силы влияния психофизиологического «скафандра тела» (страстей) для отключения его влияния на сознание. Таким образом, именно аскетика была методологическим базисом святоотеческой православной психологии.

** Аскетика (от др. греч. ασκησις – «упражнение»), т.е. разновидность внутренней телесно-душевно-духовной тренировки. Аскетизм – преднамеренное самоограничение, самоотвержение и исполнение обетов для достижения высших духовных целей.*

В православии аскетика – это раздел православного богословия, предметом которого является изучение процесса возрождения, исцеления падшего человеческого естества в ходе христианского подвижничества. Аскетика может быть названа наукой о сущности христианского подвижничества.

Следует сразу оговориться, что мы не упустили из поля зрения аспектов догматического богословия, как и прочих богословий (апологетического, сравнительного, нравственного, пастырского и др.), но основной акцент наших исследований был положен именно на православную аскетику и согласное учение, как наиболее древнее, практическое и «корневое» начало самого христианства, которое уходит корнями в дохристианскую культуру и традицию.

К слову, все виды православных богословий, как и православный катехизис, появились только в середине 17-го века, причём, на западе, тогда как аскетическая практика и знание о душевно-духовной природе человека и энергетическом теле души существовали задолго до Христа, причём, даже сам Христос, как Богочеловек, не минул использования аскетической практики, пребывая после крещения 40 дней в пустыне, выдерживая искушения.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал.» (Мф. 4; 1—2)

Как уже говорилось, труд отца Вадима представлял собой концентрированное изложение самой методологии христианского подвижничества от начального обращения к вере падшего человека до ступеней достижения через подвижничество христианского совершенства. Для отражения всей последовательности изменения качеств (энергий) и сил души (ума, чувство, воля) человека в процессе подвижничества отец Вадим использовал известный принцип трёх ступеней восхождения к совершенству (телесная, душевная, духовная), соответствующий тримерии самого человека (тело, душа, дух) и отражённый в трудах многих отцов – подвижников.

«Три состояния жизни признал разум: плотское, душевное и духовное. Каждое из них имеет свой собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный.

***Плотское** устройство жизни то, когда всецело предаются удовольствиям и наслаждениям настоящей жизни, ничего не имея из душевного или духовного устройства, и даже не желая стяжать то.*

***Душевное** стоит в середине между грехом и добродетелью, когда пекутся о довольстве и здоровье тела, и заботятся о славе человеческой, равно и труды по добродетели не отмечают, и избегают дел плотских, не прилежат ни к добродетели, ни к греху: к добродетели, по причине несладости ее для них и притрудности, а греху, из за страха лишиться человеческих похвал.*

***Духовное** же устройство – то, когда не изволяют иметь ничего из первых двух и не допускают худя, отличающего каждое из них, но, будучи свободны от того и другого, на посребренных крылах любви и бесстрастия, перелетают чрез оба состояния, не позволяя себе делать ничего из запрещенного».*

(Преп. Никита Стифат, Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума, 3)

Есть и другие формы изложения этих же трёх ступеней и в частности, как падшее, обращённое (к Богу) и искупленное или противоестественное, естественное и сверхъестественное.

*«Есть три мысленных места, в которые входит ум, изменяясь сам в себе: естественное, сверхъестественное и противоестественное. Когда вступит он и в свое **естественное** место (душевное), тогда находит себя виновником злых помыслов и причину страстей и исповедует Богу грехи свои, когда же бывает в **противоестественном** месте (телесном), тогда забывает он о правде Божьей и воюет с людьми, как с обижающими его неправо. А когда возведется в **сверхъестественное** место (духовное), тогда находит в себе плоды Духа Святого, которые указал Апостол – любви, радость, мир и проч. (Гал. 5, 22), и знает, что, если предпочтет телесные заботы, то пребывать там не может, и вышедши оттуда, впадает в грех и в последующие за ним скорбные случайности, хотя не вскоре, но в свое время, как ведает про то правда Божья.»* (Преп. Марк Подвижник, Наставления Марка подвижника о духовной жизни, 4, Творения)

В своей книге отец Вадим пользуется классификацией преподобного Марка Подвижника, выделяя данные три ступени внутреннего роста и преображения человека в качестве основы модели святоотеческой психологии.

Практически аналогичную трёхступенчатую схему мы можем найти и у в Добротолюбии у преподобного Макария Египетского, который также перечисляет три ступени внутреннего роста, давая при этом ещё и промежуточные стадии и даже отмечая четвёртую ступень будущего состояния:

- Светлое состояние первого человека
- Мрачное состояние падшего
- Единственное спасение наше – Господь Иисус Христос
- Образование твердой решимости последовать Господу
- Состояние трудничества
- Состояние принявших ощущение благодати
- Возможное христианское совершенство на земле
- Будущее состояние* по смерти и воскресении

(Добротолюбие, Т. 1. Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед)

Схема, составленная из классификаций преп. Марка Подвижника и преп. Макария Великого по сути и была использована отцом Вадимом для отражения пропедевтики аскетике с тем лишь отличием, что будущее состояние человека он не выделял в отдельную категорию, а отнёс в раздел сверхъестественного (духовного) состояния.

Наша задача по отношению к данному курсу сводилась к тому, что нам предстояло изложить эту же схему и последовательность телесно-душевно-духовного роста человека в терминах *современной научной психологии*, причём, не в ущерб догматам и православному катехизису.

Следует сразу сказать, что трудность изложения психологии без ущерба для катехизиса и догматического богословия – это архи сложная задача, которая для нас стала второй по сложности. Дело в том, что в православном образовании никогда не было такой дисциплины, как психология, даже христианская. В православном образовании из аспектов психологии тради-

ционно была только аскетика (аскетическое богословие) в очень урезанном виде и душепопечение, причём, и то и другое списанные в начале 18-го века с католических трудов, где упор делается исключительно на нравственной стороне изменения личности.

Проще говоря, в православии с конца 17-го века после петровских реформ, фактически наложивших запрет на умное делание, анахоретство, старчество и священнобезмолвие (исихию), а также никоновского раскола, уже отсутствовала мистическая и аскетическая составляющие, как подвижничества, так и самого богословия, а присутствовала преимущественно нравственная. Этим и объясняется то обстоятельство, что основной упор делался на катехизис, церковные таинства и душепопечение, а психология и аскетика церкви были попросту не нужны, как инструменты.

Истины ради следует отметить, что христианская психология всё же пыталась в то время развиваться параллельно с нравственным богословием и психологией научной (атеистической), пришедшей с запада. Целый ряд авторов, включая святителя Феофана Затворника, на протяжении трёх веков с 17-го по 19-й пытались актуализировать направление христианской психологии, но тщетно. Так в 1796 г. в Москве была издана книга Ивана Михайловича Кандорского «Наука о душе или Ясное изображение её совершенств, способностей и бессмертия»; в 1858 г. появилась книга «Основания опытной психологии» архимандрита, впоследствии епископа, Гавриила (Кикодзе), в 1883 г. вышел «Учебник психологии» священника Александра Константиновича Гиляревского. В это же время начал публиковать свои статьи по вопросам христианской психологии и святитель Феофан Затворник, но церковное руководство было непреклонным в отрицании психологии и удерживании курса на нравственное богословие и обрядовое.

Именно по этому поводу Архиепископ Никон (Рождественский) в своих дневниках писал

«Как жаль, что наша церковная власть в свое время не поручила святителю Феофану Затворнику составить учебник психологии по творениям святых отцов и учителей Церкви! Никто не мог бы вытолнить этой задачи лучше этого святителя-подвижника. А то ведь – что грех таить? – в наших духовных семинариях вместо психологии преподается в сущности патология души человеческой. Учебники психологии составлены на основании западных писателей, коих мирозерцание далеко от учения святоотеческого» (Архиепископ Никон (Рождественский). Дневники. Козни врагов наших сокруши... 1910 – 1917 г.).

Таким образом, христианская психология, как своего рода альтернатива обрядоверию и нравственному богословию, будучи больше введением в антропологию, аскетику и мистическое богословие, на долгие годы была под негласным «запретом» церковного руководства и священноначалия в угоду массовой религии. И только в конце 80-х годов 20-го века на волне возрождения православия, получившего глоток долгожданной свободы, христианская (православная) психология вышла из тени и стала овладевать умами многих специалистов, как подлинная наука о душе.

В числе «первооткрывателей» или точнее актуализаторов этого направления в наше время можно назвать выдающегося психолога Тамару Александровну Флоренскую (1936 – 1999) – доктора психологических наук, действительного члена Нью-Йоркской академии наук, автора более 70 научных работ и публикаций, из которых наиболее значительные – «Диалог в практической психологии», «Диалог как метод в психологии и консультировании (духовно-ориентированный подход)», «Диалогическое общение как путь духовного преображения личности», «Мир дома твоего».

После неё эстафету в развитии христианской психологии подхватила целая плеяда известных российских специалистов Б. С. Братусь, В. И. Слободчиков, Ф. Е. Василюк,

Л. Ф. Шеховцова, Ю. М. Зенько, А. Лоргус, А. В. Бочаров, А. С. Чернышев и целая группа специалистов под эгидой Российской Академии Образования и школы А. Д. Червякова, который и был научным редактором книги отца Вадима Коржевского «Пропедевтика аскетике. Компендиум по святоотеческой православной психологии».

Таким образом, перед нами стояла задача не посрамить честь отечественной христианской психологии, а попытаться её по возможности осовременить и адаптировать для современного восприятия и понимания через призму психологии научной. Решение этой задачи и стало полем нашей деятельности уже в рамках Минской школы христианской психологии и сочетание наиболее сильных сторон нашей группы, а именно скрупулёзности и системного склада мышления Ю. Э. Краснова, большого жизненного и церковного опыта С. А. Куницкой, имевшей кроме психологического и высшее медицинское образование, и моего более чем 10 летнего опыта работы в кризисной психологии и паллиативной помощи, сделали возможным подготовку учебного курса «Теоретические основы христианской психологии», как более адаптированного психологически варианта труда Вадима Коржевского.

Первое, что нам предстояло решить практически в создаваемом нами курсе, – это определить какие использовать психологические модели, категории, понятия и термины для того, чтобы передать с их помощью представление о мире души, т.е. о природе души, её силовом устройстве и тех изменениях, которые происходят в процессе обращения человека к вере и последующего душевно-духовного роста и преображения. Проще говоря, нам предстояло научным языком изложить сложнейший процесс изменения качеств (энергий) души в процессе совлечения или преодоления влияния системы инстинктов, как основы существования ветхого этого человека.

Проблема заключалась в том, что мир души, как мир сил и энергий, по учению отцов Восточной Церкви нельзя было просто заменить понятием психики и теми процессами, которые происходят в процессе психической деятельности, поскольку мир души – это не мир биохимических реакций и процессов, а мир сил и невидимых божественных энергий (нетварных энергий), которые ещё не овеществлены или не материализованы в виде нервных и психических процессов, а психика – это как раз проявление уже овеществлённых и материализованных энергий и процессов в виде тех же самых биохимических реакций.

Проще говоря, если психику ещё можно как-то фиксировать эмпирически и определять в виде нервных и биохимических процессов, то душу и сферу духа зафиксировать невозможно в принципе, поскольку душа – это то, что существует под психикой, как внешней оболочкой или «кожей» и представляет собой некий конгломерат «текучих» сил и энергий. Эти энергии и силы души очень сложно определить и в святоотеческой психологии для их определения есть понятие страстей и добродетелей души, как качеств и энергий души, ответственных за зло и добро соответственно.

Иными словами душа – это силовое и энергетическое тело т.н. внутреннего и невидимого человека, который является для внешнего психического человека только его внутренней энергией, которая питает и поддерживает работу всех систем и органов организма. В святоотеческой православной психологии душа является ключевой категорией, а потому имеет множество определений, суть которых сводится к одному – некому невидимому внутреннему человеку, который представляет собой чистую энергию осознания, наделённую при этом чувством, волей, самосознанием и способностью к самостоятельному бестелесному существованию за счёт питания энергиями Духа (Бога). Овладение своей душой через её укрепление, развитие и доведение до возможности самостоятельного существования вне тела и является целью аскетических практик и смыслом духовного спасения, т.е. жизни вечной по учению отцов.

«Итак, душа есть сущность живая, простая и бестелесная, по своей природе невидимая для телесных глаз, бессмертная, одаренная и разумом, и умом, не имеющая формы, пользующаяся снабжёнными телом

и доставляющая этому телу жизнь и приращение... независимая и одаренная способностью желания, также и способностью действия, изменчивая, то есть обладающая слишком изменчивой волею, потому что она – и сотворенна, получившая все это естественно от благодати Сотворившего ее, от которой она получила и то, что существовала, и то, что была таковою по природе» (Св. Иоанн Дамаскин, «Точное изложение веры», Глава XII, О человеке)

Сложность задачи определения души, уходившей своими корнями в православную мистику и эзотерику, вынуждала нас обратиться к истокам психологии и её крестному отцу Аристотелю, который одним из первых попытался исследовать душу и определить её свойства, и мы наши у Аристотеля в его трактате «О душе» подтверждение нашим догадкам.

«Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест». (Аристотель, «О душе», 1.Т.)

«Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ. Так вот, мы хотим исследовать и познать ее природу и сущность, затем ее проявления, из которых одни, надо полагать, составляют ее собственные состояния, другие же присущи – через посредство души – и живым существам». (Аристотель, «О душе», 1.Т.)

Трактат Аристотеля состоит из трёх книг, дающих относительно целостное представление о душе, свойственное периоду античности. В первой книге Аристотель обобщает и систематизирует опыт изучения души своими предшественниками по философской школе. Во второй книге он предпринимает попытку определения сущности, материи, формы и энтелехии (движущей силы) души. В этой же книге Аристотелем даётся одно из первых определений души как особой формы бытийности, определяющей окончательную завершенность тела и называются главные свойства и способности души: способность к развитию (устремлённость), способность к ощущению (чувственность) и способность к размышлению (осознанность). По существу Аристотель одним из первых сформулировал ту идею тричастности души, которая прослеживается у отцов Восточной Церкви, также выделяющих три движущие силы души:

- желательная (воля),
- чувствительная (чувство)
- рассудительная (ум).

Из факта наличия у души трёх данных сил (способностей) Аристотель одним из первых исследователей обозначил различия между душами растений, животных и людей.

В своей третьей книге, считающейся философским базисом психологии, как науки, Аристотель впервые даёт систематизированное представление о базовых чувствах (греч. αἰσθησις) – осязание, обоняние, слух, вкус, зрение и, кроме того, делает чёткое разграничение между ощущением и мышлением. В этом же труде он указал и принципиальные свойства мышления: воображение и суждение.

Заслугой Аристотеля можно считать то, что он одним из первых философски обосновал и доказал сам факт двойственности природы человека в которой имеет место уникальное сочетание внешнего телесного начала и внутреннего силового или энергийного (душевно-

духовного). Т.е. сам факт наличия у человека его невидимой внутренней стороны, обладающей всеми атрибутами личности – устремлённостью, чувственностью и сознанием и стал поводом для исследования данного феномена и возникновения такой дисциплины, как наука о душе.

Таким образом, не психика, а сущностная и силовая природа души, и стала в последующем объектом глубокого изучения для многих школ и практиков.

Подтверждение этому мы можем найти и в известном древнегреческом мифе «О Психее и Эроте», где Психея непосредственно символизирует душу. Психеей в соответствии с мифом звали младшую и самую прекрасную из трех дочерей некой царственной особы. Благодаря своей неземной красоте Психея вначале затмила саму богиню Афродиту, попав в немилость к ней и своим сестрам, а затем из-за своей наивности и доверчивости еще и потеряла возлюбленного супруга Эрота, пролив на него во время сна горячее масло из лампадки, когда хотела увидеть, как божественный ветер Зефир уносит его в царство бессмертных богов.

На долю Психеи, в соответствии с мифом, выпали тяжкие испытания, но своим послушанием и трудолюбием Психея смогла вернуть себе любовь Эрота, и по его просьбе верховный Бог Зевс даровал ей бессмертие, превратив ее из человека в богиню, приобщив тем самым к бессмертию и к сонму бессмертных богов.

Завистливые сестры Психеи, узнав о божественном ветре, уносящем в царство Зевса, захотели повторить подвиг Психеи и прыгнули с утеса в пропасть в надежде, что божественный ветер Зефир, унесший Психею и Эрота, также унесет и их в небесный дворец Зевса, но разбились насмерть о скалы.

Не никаких сомнений в том, что образ Психеи очень точно символизирует образ человеческой души, как сущности, в ее бессмертном качестве и состоянии и к психике не имеет никакого отношения. Таким образом, есть основания полагать, что поводом для этого мифа стал названный ранее феномен двойственности человеческой природы, как отражение взаимосвязи и взаимодействия двух начал внешнего (телесного) и внутреннего (душевно-духовного).

В соответствии с мифом весьма любопытен тот способ, которым душа Эрота переносилась в царство богов. Это происходило через сон, как канал взаимосвязи с духовным миром. Кстати, аналогичный приём «телепортации» личности через сновидение был очень красочно обыгран в известном фильме «Аватар» Дж. Камерона и т. д.

Данные рассуждения приведены здесь для того, чтобы показать каким образом мы подходили к пониманию феномена души для того, чтобы найти ему более менее адекватное отражение в понятиях и терминах современной психологии.

Не обошли мы стороной и святоотеческое предание, изобилующее артефактами и откровениями о душе, как автономной сущности, которая может проявлять себя во всей полноте личности вне физического тела. В качестве примера можно привести упоминания в летописи Оптиной Пустыни о старце Амвросии (Оптинском), который встречал путников, направлявшихся в обитель и в тонком душевном теле проводил до обители, а когда пришедшие встречались там со старцем в телесном виде, выяснялось, что обители он давно не покидал в силу болезни ног, а мог как бы присутствовать в двух местах одновременно.

Аналогичные феномены раздвоения и присутствия в двух местах одновременно нашей современницы матушки Сепфоры приводит в своих воспоминаниях схимонахиня Анастасия (Мария, монахиня Пантелеимона).

Не обошли мы стороной и описанный сокельником преп. Паисия Святогорца артефакт парения под потолком кельи светового тела старца, который стал одним из оснований для его канонизации, а также истории об оставлении тела и путешествии души, рассказанной профессором Московской духовной академии А. И. Осиповым. Подобных артефактов в православной культуре было известно множество и все они свидетельствовали только об одном – о неуничтожимости внутренней основы личности, которая в определённый момент зрелости может

проявлять себя отдельно от тела автономной душевно-духовной сущностью или телом энергии сознания. В святоотеческом предании на этот счёт имелось соответствующее упоминание.

«Как телу, когда совершенно разовьется во чреве, необходимо родиться, так душе, когда она достигнет положенного Богом предела ее жизни в теле, необходимо выйти из тела» (Добротолюбие, Т. 1, О доброй нравственности и святой жизни, Антоний Великий).

В этой связи нашей задачей было найти способ отражения языком современной психологии удивительного феномена двойственности природы человека, как возможности проявления двух основ – внешней телесной и внутренней душевно-духовной. Решить её было очень не просто, но жизнь подсказала нам направление поиска ответа и на этот вопрос.

По изначальному замыслу курс должен был состоять из трёх книг:

1. Основного учебно-методического пособия, включающего теоретическую и практическую части,
2. Отдельной книги категорий христианской психологии с тематической подборкой цитат святых отцов Восточной Церкви о душе и
3. Приложения к основному курсу в виде дополнения и расшифровки отдельных наиболее деликатных тем и вопросов.

Серия книг

О психологии покаяния

Любой верующий человек, как «Отче наш» знает о том, что покаяние в христианской традиции – это едва ли не основное действие, а точнее священнодействие, к которому призывали верующих в соответствии с Евангелием Иоанн Креститель, Христос и Апостолы.

«В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». (Мф. 3:1—2)

«С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17).

«Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа». (Деян. 2:38)

«Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться». (Деян. 17:30)

Что же представляет собой покаяние с точки зрения христианства и парадигмы христианской психологии? Само понятие покаяние происходит от древне-греческого **μετάνοια** (μετάνοια), что обозначает «сожаление, раскаяние», а буквально «изменение мыслей» от μετα- «изменение, перемена» + νόος «мысль, ум, разум; мнение».

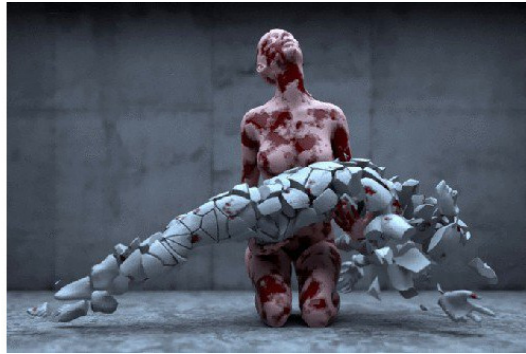
Иными словами, покаяние – это достаточно сложная смысловая категория, означающая сам принцип изменения мышления и мировоззрения на основе переоценки, т.е. изменения важности тех или иных ценностей, поставленных во главу угла смысла человеческой жизни.

В христианстве под покаянием большинство верующих понимает осознание своей «грешности», а точнее собственной порочности и повреждения себялюбием (эгоизмом). Данное осознание своей порочности является как бы актом постановки диагноза душе для её исправления и становления на путь Истины, т.е. на путь служения Богу и человеческой добродетели. В то же время, при этом мало говорится о глубине и конечной цели покаяния из-за чего под покаянием чаще всего понимается сам акт признания человеком своей «грешности» на фоне абсолютной праведности, т.е. безупречности Бога.

В православии под покаянием чаще всего понимается самое глубокое раскаяние и сокрушение человека о своих «грехах», а точнее повреждении эгоизмом и страстями, которое характеризуется, как правило, такими состояниями, как печаль, скорбь и грусть, вызванные уязвлением совести. Чаще всего, основанием для покаяния бывает глубокий кризис с невозможностью выхода из этого состояния без перемен в системе ценностей, хотя иногда покаяние может быть вызвано и состоянием инсайта или возвышенного духовного озарения, при котором личность ясно и чётко осознаёт своё несовершенство перед Богом и невозможность существования без Бога.

Таким образом, в широком смысле под покаянием подразумевается не просто раскаяние в чём-либо конкретном, а принципиальное осознание своей порочности и столь же принципиальное изменение образа мышления и жизни от произвольного («греховного»), как эгоистично-самодостаточного, к жизни по принципам высшего духовно-нравственного закона, т.е. по заповедям.

Покаяние

С точки зрения парадигмы христианской психологии, покаяние (метанойя) выступает своего рода высшим духовно-психологическим инструментом самого глубокого изменения человеческой личности, её качества и её направленности в жизни от эгоизма к нравственности и ещё глубже – к духовности.

Говоря о трансформации, т.е. изменении и преображении человеческой природы посредством покаяния, нельзя не коснуться вопроса психологии данного процесса и отправной точки, которая служит «стартером» или пускателем процесса внутренних изменений.

К сожалению, как традиционное душепопечение конца 18-го века, так и современная академическая (научная) психология не владеют пониманием механизма данного процесса применительно к сфере сознания и потому данный механизм нуждается в понимании и прояснении с точки зрения психологии.

Так вот с точки зрения святоотеческой психологии покаяние понимается в двояком смысле:

1. – единовременного акта обращения ума и
2. – постоянного процесса изменения мышления.

Проще говоря, процесс покаяния чем-то напоминает принцип «домино», когда первичное изменение всего одного камня (кости), влечёт за собой впоследствии цепную реакцию по изменению всей цепочки выстроенных в ряд камней.

Принцип домино

Что же можно считать первичным действием, а точнее священнодействием покаяния, и последующим процессом кардинального изменения человеком направленности мышления?

Следует сразу отметить, что до недавнего времени процесс покаяния в христианской традиции именовался таинством и священнодействием по той причине, что не была понятна его

природа, а с другой стороны потому, что осуществлялся этот процесс не только по воле человека, но при помощи и содействии духа (Бога).

«Ведь как невозможно усвоить возрастание преуспеяния посредством одной лишь Божией силы и благодати, без содействия и усердия [самого] человека, так невозможно и достичь совершенной воли Божией и прийти в [полную] меру свободы и чистоты лишь посредством собственной силы, усердия и настойчивости, без содействия и помощи Святого Духа.» (Преп. Макарий Великий, Великое послание, III, 1)

Иными словами, акт покаяния – это процесс со-работничества или взаимодействия человека и духа (Бога) в котором ни одна, ни другая сторона не может всё без участия другой стороны.

В данной связи возникает любопытный вопрос о том, а можно ли понять, какое свойство сознания лежит в основе акта покаяния и какой «орган» души ответственен за обращение сознания?

Как выясняется, в основе покаяния лежит действие *совести*, как внутреннего сознания добра и зла и инструмента высшего духовно-нравственного закона. Именно совесть, как беспристрастный свидетель и фиксатор всех помыслов и поступков человека, даёт заблудшему человеческому уму ясное осознание всей глубины собственной порочности, как следствия повреждения души эгоизмом и корневыми страстями (*сластолюбие* (чревоугодие), *сребролюбие* (алчность) и *славолюбие* (тщеславие)).

Это неумолимое действие совести, гложущей душу осознанием своей порочности, может доводить личность до отчаяния, иступления и глубочайшего страдания своим требованием раскаяния и признания неправоты перед Истиной в самом себе. Таким образом, в основе покаяния лежит Акт осознания и принятия Истины всем сердцем и умом, как двумя центрами осознания и восприятия – центром головного мозга и центром сердца.

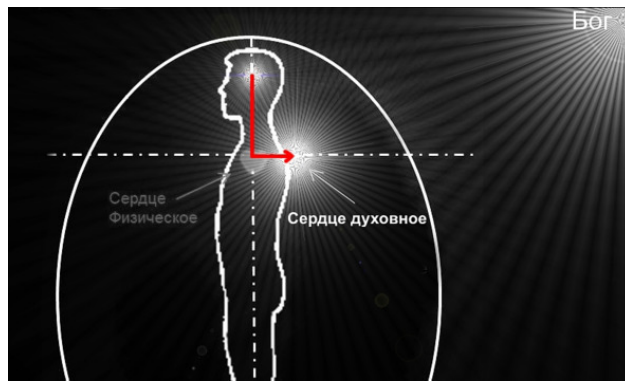
Можно сказать, что данное осознание собственной «порочности» ещё без понимания всей её сути и глубины и есть первичный сакральный Акт, который и вызывает цепную реакцию во всей когнитивной и душевной сфере.

Иными словами, в основе покаяния лежит глубокое сокрушение души с искренним желанием изменить себя и свою жизнь в соответствии с духовно-нравственным законом, как высшим законом правды и Истины с большой буквы. Радость же и облегчение на душе являются следствиями покаяния или обращения ума к Истине.

Сегодня с точки зрения нейронно-сетевых представлений об устройстве сознания и когнитивной сферы можно с большой долей уверенности говорить о том, что процесс покаяния имеет под собой сетевую природу и связан с переориентацией всей гиперсети сознания с т.н. «центра головы» на «центр сердца».

При этом та радость в душе, которая возникает вследствие покаяния, есть не что иное, как процесс воссоединения разума и духовного сознания после обращения ума и создания новых нейронно-синаптических связей ума и сердца, которые направлены на Бога, как Источник света. Иными словами, ум человека в результате покаяния от темноты поворачивается к Источнику света и получает свет, который и есть радость открытия в сердце Бога.

Принцип обращения ума

Говоря другими словами, в процессе покаяния заблудший ум головы, привыкший по жизни руководствоваться интересами «Я», впервые обращается к сознанию сердца, которое напрямую связано с Богом.

Именно Акт обращения заблудшего ума к сердцу и совести, как «голосу Божьему», можно считать духовно-психологической основой покаяния, как начала изменения всей системы (гиперосети) когнитивной сферы. Процесс изменения характера связей сети сознания в ходе покаяния очень напоминает процесс «брожения» и «сбраживания». Не случайно Сам Спаситель использовал именно эту метафору применительно к сути понимания Царства Божьего, как особого пространства внутри когнитивной сферы, которое достигается в процессе «брожения и поднятия» ума, подобно тесту.

«Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все.» (Мф. 13;33)

В данном случае «закваской» для роста ума выступает Акт первичного покаяния (осознания) человеком своей порочности, который вызывает цепную реакцию по реструктуризации всей когнитивной сферы на новых духовно-нравственных принципах духовной иерархии взамен прежнего своеволия и эгоцентризма.

Таким образом, принцип покаяния или «метаноии» является по существу ключевым и в то же время универсальным способом изменения сознания в парадигме нравственно-ориентированной христианской психологии. Вот как об универсальности «лекарства» покаяния, подходящем каждому человеку, сказал преподобный Исаак Сирин.

«Поскольку знал Бог Своим милосердным знанием, что если бы абсолютная праведность требовалась от людей, тогда только один из десяти тысяч нашелся бы, кто мог бы войти в Царство Небесное, Он дал им лекарство, подходящее для каждого, а именно покаяние, так, чтобы каждый день и на всякий миг было для них доступное средство исправления посредством силы этого лекарства и чтобы через сокрушение они омывали себя во всякое время от всякого осквернения, которое может приключиться, и обновлялись каждый день через покаяние.»

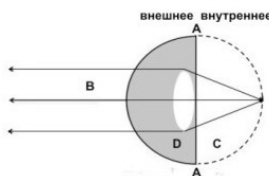
«Велико это средство, которое сострадательный Творец, по премудрости Божества Своего, уготовал ради нашей вечной жизни, ибо Он желает, чтобы мы ежедневно обновлялись и представляли в добродетельном изменении воли и обновлении разума.» (Преп. Исаак Сирин, О божественных тайнах и о духовной жизни, Слово 40, 8, с.284)

Мы рассмотрели процесс покаяния с точки зрения первичного акта обращения, но при этом остаётся открытым другой вопрос – постоянства процесса обращения сознания и тех следствий, которые вытекают из процесса обращения гиперсети сознания.

Как уже было сказано, принцип покаяния с точки зрения структуры психического бытия понимается, как кардинальная или полная переориентация всей системы мышления и мировоззрения при которой сознание, ранее ориентированное во внешний мир посредством эго («Я»), через покаяние меняет направление своей ориентации и обращается внутрь сердца и человеческой души к совести («Мы»).

При этом соответствующим образом меняется и направленность мышления и всех вновь создаваемых когнитивных связей. Принцип покаяния применительно к сознанию можно в полной мере соотнести с принципом работы человеческого глаза, который будучи направлен только во внешний мир, получает уникальную возможность обратить взор на самого себя, т.е. на радужную оболочку и зрачок.

«Орган зрения телесного – глаза, а орган зрения душевного – ум. Как тело, не имеющее очей, слепо, не видит солнца, освещающего всю землю и море, не может наслаждаться светом его; так и душа, не имеющая благого ума и доброй жизни, слепа: – не ведает и не славит Бога, Творца и Благодетеля всех (тварей), и войти в наслаждение Его нетлением и вечными благами не может.» (Антоний Великий, Наставления о доброй нравственности и святой жизни, в 170-ти главах, Гл. 118)

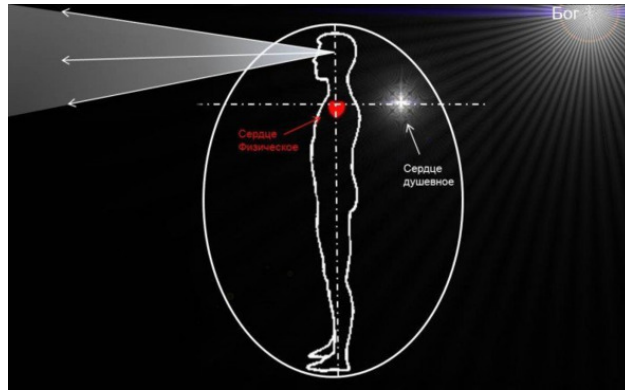
С точки зрения когнитивной психологии за таинством покаяния стоит не что иное, как новое направление для образования когнитивных связей, направленных через духовное сердце внутрь человеческой души (индивидуального и коллективного бессознательного).

Таким образом, с точки зрения парадигмы христианской психологии покаяние – это раскрытие и познание ёмкости сердца* и содержания пространства души, которое прежде было закрыто для доступа рассудка и рационального мышления.

** Раскрытие сердца – это ключевое понятие и категория святоотеческой православной психологии и практики умного делания в основе которой лежит деятельное соединение ума с сердцем или особое умение концентрировать внимание и чувство на сердце. Данная способность является духовным достижением и проявляется в расширении осознанности, за счёт активизация глубинного сознания сердца, как прямого восприятия энергии без интерпретации. Раскрытие потенциала сердца происходит очень медленно и сравнимо с обучением и развитием рационального мышления.*

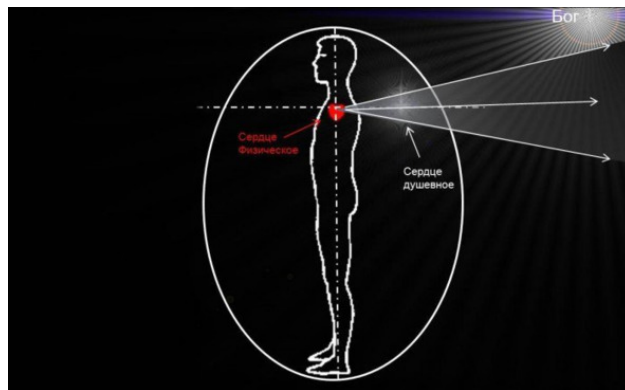
Процесс изменения направленности локуса внимания в процессе покаяния (обращения ума), можно отобразить визуально.

Не обращённое состояние сознания

Как видно из рисунка, отражающего не обращённое (рациональное) состояние сознания, ум человека, символизирующий зрение, направлен сугубо во внешний мир, а не во внутренний. При этом сознание сердца остаётся полностью закрытым и Бог для рационального ума как бы не существует. В процессе обращения ума к сердцу ситуация меняется радикально.

Обращённое состояние сознания

Ум, направленный ранее сугубо во внешний мир, после покаяния (обращения), как бы обращается вовнутрь самого себя через канал сердца (совесть) и открывает для себя Бога и внутреннее пространство души. Данное внутреннее пространство души (клеть души) представлено следующими уровнями или оболочками психического бытия.

Структурная схема обращения ума по модели К. Г. Юнга

Как видно из представленной структурной схемы, в процессе постоянного покаяния мышление поступательно прорабатывая (очищая) уровень за уровнем углубляется в простран-

ство души в направлении индивидуального и коллективного бессознательного (душевного и духовного). При этом совершенно очевидно, что конечной целью покаяния является Христос, как Логос и Истина.

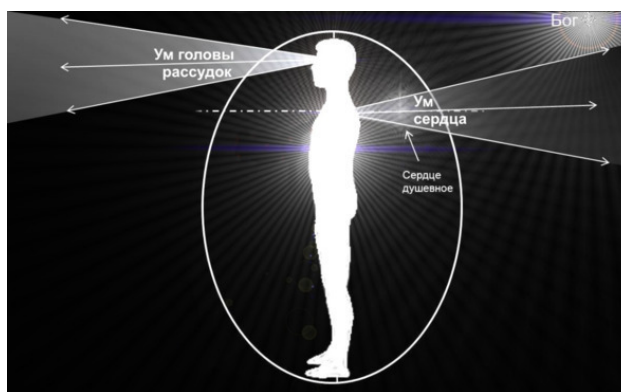
Таким образом, начавшись на поверхностном уровне ощущений и мышления, в процесс покаяния постепенно вовлекаются все внутренние структуры психического бытия: *чувство, интуиция, память, субъективные компоненты, аффекты и вторжения, вплоть до индивидуального и коллективного бессознательного (душевно-духовного)*.

В итоге под действием покаяния глубоко и основательно исследуется и прорабатывается вся когнитивная сфера человека с заменой одних качеств и энергий на другие. Таким образом, покаяние в свете парадигмы нравственно-ориентированной христианской психологии есть процесс глубокой трансформации когнитивной сферы за счёт освобождения от влияния страстей, составляющих основу «ветхого» человека в направлении раскрытия потенциала человека «нового», как искупленного.

Конечным итогом покаяния (обращения ума), является не просто расширение сознания в направлении Бога с умением удерживать два локуса внимания одновременно – внешний и внутренний (мирской и духовный).

Конечным итогом покаяния является полное изменение сознания и фактически полное преображение человека или обожение с переходом из «ветхого» в «Новое» состояние.

Итог покаяния – достижение духовного состояния

Таким образом, покаяние является началом процесса последовательного освоения умом внутреннего пространства души с постепенной проработкой всех уровней психического бытия от внешнего уровня ощущений до глубоко внутреннего индивидуального и коллективного бессознательного (душевно-духовного).

В основе покаяния лежит с одной стороны замена одних качеств души или энергий (страстей) на другие и противоположные им (добродетели), а с другой стороны расширение сознания до целостного материально-духовного состояния, которое можно определить, как состояние святости.

Схема обращения ума через покаяние может быть отражена в структурной схеме трёх когнитивных состояний (эго, жертвы, святости или телесного, душевного, духовного) по К. Г. Юнгу следующим образом.

Схема достижения целостного сознания

По той причине, что процесс покаяния сопряжён с действием Святого Духа, в православной традиции он считается духовным таинством. Вместе с тем, с точки зрения психологии в процессе покаяния происходит открытие реального содержания когнитивной и ценностной сферы человека с осмыслением и оценкой состояния души через призму совести.

Иными словами, в ходе покаяния происходит познание человеком содержания и реального состояния своей собственной души. В процессе этого познания содержания своей души, происходит глубокое осмысление человеком своего внутреннего душевно-духовного устройства и что самое важное – объективная оценка качеств души на предмет соотношения страстей и добродетелей.

Главным итогом покаяния можно считать максимально полное осознание человеком многочисленных страстей, т.е. порочных качеств, реакций, наклонностей, зависимостей, слабостей, привязанностей, вредных привычек и инстинктов, управляющих человеком.

Священномученик Пётр Дамаскин выделяет следующие страсти, обнаруживаемые в душе в процессе покаяния:

«Лютость, коварство, лукавство, злой образ мыслей, беспорядочность, неводержимость, обольщение, грубость, невежество, праздность, холодность, окаменение, ласкательство, глупость, беспорядочный крик, выхождение из себя, помешательство, неучтивость, дерзость, боязнь, ожесточение, леность к добродетели, законопреступная прибыль, корыстолюбие, скудость (от лености), неведение, безумие, лжеименное знание, забвение, нерассудительность, бесчувствие, неправда, худое произволение, бессовестность души, медленность, болтливость, незаконность, преткновение, грех, беззаконие, законопреступление, страсть, пленение, лукавое согласие (с мыслью), беспорядочное сочетание (с мыслью), бесовский прилог (помысла), замедление, телесный покой сверх должного, злоба, падение, недуг души, изнеможение, немощь ума, небрежность, леность, малодушное порицание, презрение Бога, превращение, преступление, неверие, неудобоверие, зловерие, маловерие, ересь, соединение с ересью, многобожие, идолопоклонство, неведение Бога, нечестие, волиебство, подглядывание, догадки из соображений, чародейство, отрицание, идолонействование, неводержание, мотовство, любознательность (суетная), нерадение, самолюбие, невнимание, непреуспевание, обман, заблуждение, отважность, отравление, осквернение, ядение скверного, роскошь, нецеломудрие, чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, скука, беспечность, тщеславие, гордость, самомнение, возношение, чванство, обезумление, гнусность, насыщение, сонливость, тяжесть головы (от вина), наслаждение, ненасытимость, гортанугодие, ненасыщение, тайноедение, объедение, уединенноеедение, небрежение, легкость (удобство во всем), самосоветие, бессоветие, самоугодие, человекоугодие, неопытность в добром, невразумление, необучение, легкомыслие, (невежественная) простота, нелюдимость, противоречие,

спорливость, злословие, вопль, смущение, борьба, раздражительность, беспорядочная похоть, желчность, раздражение, соблазн, вражда, вмешательство в чужие дела, клевета, горечь, оговаривание, порицание, обвинение, осуждение, жалоба, ненависть, злословие, досаждение, бесчестие, свирепость, неистовство, жестокость, сплетение зла, клятвопреступление, проклинание, немилосердие, братоненавидение, неравенство, отцеубийство, матереубийство, расстройство, расслабление, принятие даров, воровство, грабеж, ревность, состязание, зависть, непристойность, насмешка, поношение, поругание, ругательство, подкуп, угнетение, презрение ближнего, биение жезлом, осмеивание, удушение, задущение, неприязнь, непримирение, вероломство, несознательность, зложелательность, бесчеловечность, бесстыдство, наглость, пленение помыслов, омрачение, слепота, ослепление, пристрастие к временному, страстность, суета, неповиновение, отягощение головы, дремание души, многоспание, мечтание, многопитие, пьянство, непотребство, распутство, беспорядочное увеселение, привязанность к наслаждениям, сластолюбие, сквернословие, женоподобие, необузданное неистовство, разжжение, рукоблудие, женопрельщение на блуд, прелюбодейство, мужеложство, скотосмешение, – осквернение, похотливость, нечистота души, кровосмешение, нечистота, сквернение, частное содружество, смех, игранье, плясание, хлопанье (руками), неприличные песни, пляски, игра на инструментах, смелость, многочиние, неподчинение, непостоянство, порочное согласие, злоумышление, битва, убийство, разбойничество, святотатство, бесчестный прибыльок, рост (проценты), обман, раскапывание гробов, жестокосердие, злое ославление (ближнего), роптание, хула, недовольство своею участью, неблагодарность, злое советование, пренебрежение, малодушие, смущение, ложь, болтовня, пустословие, неразумная радость, легкомыслие, неразумное содружество, злонравие, шутки, глупые речи, многословие, скряжничество, отягощение других, злость, неблагоприятство, негодование, многостязание, злопамятность, злоупотребление, навык в зле, любовь к жизни, тщеславие, надменность, властолюбие, лицемерие, подсмеивание, тайные козни, изворотливость, побеждение (худым), сатанинская любовь, любопытство, приращение к (ближнему), бесстрашие Бога, непослушание, неразумие, высокоумие, хвастовство, напыщенность, уничтожение ближнего, немилосердие, нечувствительность, безнадежность, оставление, ненависть к Богу, отчаяние, самоубийство, – и всеми отпадение от Бога, и совершенная погибель, – всех вместе двести девяносто восемь. Эти страсти нашел я упоминаемыми в Божественных Писаниях и поместил их вместе, как и книги (прочитанные мною) в начале слова; в порядке же не мог расположить, да не покушался на это, как превышающее мои силы, по слову Лествичника, пощещь в злых разума и не найдешь, ибо беспорядочны все бесовские (действия) и имеют одно только намерение, в котором равняются между собою – неравные и нечестивые – губить души принимающих их злейший совет. Хотя некоторым иным людям и бывают они причиною венцов, когда побеждаемы бывают верою и терпением уповающих на Господа, и деланием доброго и сопротивлением помыслам, борющимся с ними и молящимся на них.»

Собственно, сам процесс покаяния с точки зрения парадигмы христианской психологии есть не что иное, как отслеживание основных страстей, паразитирующих на уровне тела, души и духа подобно сорнякам для их искоренения.

Этот процесс постоянной работы со страстями (постоянное покаяние) при должной последовательности и правильности приводит к удивительным переменам в душевном и психическом состоянии человека. Смысл этих перемен состоит в том, что отдельные страсти души постепенно заменяются качествами (энергиями) добродетели, в результате чего всё состояние человека в процессе покаяния претерпевает качественное изменение.

Вот как тот же Пётр Дамаскин определяет добродетели души, приходящие на смену страстям в процессе покаяния:

«Мудрость, целомудрие, мужество, праведность, вера, надежда, любовь, страх, благочестие, ведение, совет, крепость, разум, премудрость, сокрушение, плач, кротость, исследование Божественных Писаний, милостыня, чистота сердца, мир, терпение, воздержание, постоянство (твердое выдерживание), благое произволение, решимость, чувство, прилежание, утверждение себя в Боге, горячность, бодрость, теплота духа, поучение, старание, трезвенность, памятование, собранность мыслей, благоговение, стыд, стыдливость, раскаяние, удаление от злого, покаяние, обращение к Богу, сочетание со Христом, отречение от диавола, соблюдение заповедей, хранение души, чистота совести, память о смерти, болезнование душою, делание добра, труд, злострадание, пребывание в суровом, пост, бдение, алкание, жажда, довольство малым, довольство собою (то есть неутруждение других), соблюдение порядка, благоприличие, почтительность, нехвастливость, презрение имений, несребролюбие, отвержение житейского, подчинение, повиновение, благопокорливость, нищета, нестяжание, удаление от мира, отсечение хотений, отречение от себя самого, советование, великодушие, упразднение по Богу, безмолвие, обучение, лежание на голой земле, неумовение, предстояние, подвиг, внимание, сухоядение, нагота, изнурение тела, уединение, жизнь в пустыне, тихость, благодушие, смелость, благое дерзновение, Божественная ревность, горение, преуспяние, юродство ради Христа, хранение ума, устройство нравственности, преподобие, девство, освящение, чистота тела, очищение души, чтение ради Христа, попечение о Божественном, познание, приспособительность, истинность, нелюбопытство, неосуждение, прощение долгов, управление, искусство (в обхождении), остроумие (в добре), уступчивость, правильное употребление вещей, понимание, быстрота ума (в добром), опытность, псалмопение, молитва, благодарение, исповедание, мольба, коленопреклонение, призывание, моление, прошение, ходатайство, песнопение, славословие, сознание, попечение, сетование, скорбение, печаль (по Богу), сожаление, рыдание, стенание, оплакивание, прискорбные слезы, умиление, молчание, взыскание Бога, плачевный вопль, беспопечение о всем, незлобие, нещицеславие, неславолюбие, простота души, сострадание, нелюбовь к выказыванию себя, благонаравие, дела по естеству, дела превыше естества, братолюбие, единомыслие, общение о Боге, приятность, духовное устройство, тихость, прямота, незлобие, сговорчивость, неподдельность, простота, приветливость, благое беседование, благое делание, предпочтение ближнего, привязанность о Боге, добродетельный навык, непрерывное прилежание, укорение (в добродетели), благоразумие, смирение, беспристрастие, щедрость, терпение, долготерпение, благость, доброта, рассуждение,

удободоступность, обходительность, несмущение, ведение (духовное), наставление, твердое укрепление, прозрение, бесстрастие, духовная радость, твердое стояние, слезы разума, душевная слеза, Божественное желание, сострадание, милосердие, человеколюбие, чистота души, чистота ума, прозорливость, чистая молитва, неплененный помысл, твердость, укрепление души и тела, просвещение, восстановление души, ненавидение жизни, должное учение, благое желание смерти, младенчество во Христе, утверждение (ближнего), поучение (его), и увещание соразмерное и понудительное, похвальное изменение, восторг о Боге, совершенство во Христе, неложное просяние, Божественная любовь, восхищение ума, Божие вселение, боголюбие, внутреннее любомудрие, богословие, исповедничество, презрение смерти, святыня, исправление, совершенное здравие души, доброта ее, похвала от Бога, благодать, царство, сыноположение и чрез все двести двадцать восемь вместе усыновление (Пс. 81, 6; Ин. 1, 12—13)»

Сам принцип системной замены страстей, как основы «ветхого» человека, на соответствующие качества добродетели связан с тем, что все страсти и добродетели имеют систему взаимной связи и зависимости. И начиная работать с корневыми страстями (сластолюбие, сребролюбие и славолубие), в итоге прорабатываются все страсти:

«Что же касается внутренней стороны подвижничества и того, какое из благих занятий является лучшим и первым, то знайте, возлюбленные [братья], что все добродетели связаны друг с другом и зависят друг от друга, нанизываясь одна на другую, словно в некой священной и духовной цепи. Ибо молитва [зависит] от любви, любовь – от радости, радость – от кротости, кротость – от смирения, смирение – от служения, служение – от надежды, надежда – от веры, вера – от послушания, а послушание – от простоты.

Равным образом, но по противоположности [различные] пороки связаны друг с другом: ненависть [зависит] от ярости, ярость – от гордыни, тщеславие – от неверия, неверие – от жестокосердия, жестокосердие – от нерадения, нерадение – от праздности, праздность – от пренебрежения, пренебрежение – от уныния, уныние – от нетерпения, нетерпение – от любви к наслаждениям. И [все] остальные виды зла зависят друг от друга так же, как в уделе блага добродетели связаны между собой.» (Преп. Макарий Египетский, Великое послание, VIII. 1—2)

Таким образом процесс покаяния есть не что иное, как процесс глубокого очищения души на всех её уровнях (духовном, душевном и телесном) от всех видов повреждения эгоизмом:

– **первородное повреждение**, связанное с утратой первозданным человеком изначальной и неразрывной связи с Богом, вне сомнений, можно считать самым глубоким. Характерной особенностью первородного повреждения стала утрата человеком изначально присущих ему духовных качеств бесстрастия, нетления и бессмертия с приобретением страстности, тленности и смертности, причём, наследуемыми, т.е. передаваемыми по наследству через генетический аппарат.

– **родовое повреждение**, связанное с возможностью наследственной передачи не только первородного повреждения, но и прочих пороков, наклонностей и даже заболеваний родового характера, можно считать менее глубоким в сравнении с первородным. Особенностью родового повреждения является характер родовой преемственности или свойственности только одному роду, как наследственной линии.

– **личное повреждение**, которое в наибольшей степени правомерно именовать грехом, можно считать наименее глубоким и потому наиболее доступным для осмысления и исповедания. Особенность личной поврежденности связана со свободой воли человека и состоит в нарушении конкретным человеком высшего духовно-нравственного закона через совершение тех или иных нравственных проступков и преступлений, фиксируемых совестью. В просторечии личный грех именуется нарушением заповедей.

Правомерность использования определений повреждение и грех связано с тем, что грехом правомерно называть лишь то, что является результатом действия человеческого произволения, т.е. свободного личного выбора. По отношению к тому, что не является результатом личного выбора человека и что он не в силах изменить, понятие греха не может быть использовано и потому используется понятие повреждения (первородного и родового).

Следует понимать, что естественные потребности человека дыхание, голод, жажда, ощущение боли, а также подверженность болезням и смертность ни один человек не в силах исключить полностью, как базовые факторы природы человека после грехопадения.

Аналогично обстоит ситуация и с родовыми, т.е. наследственными заболеваниями и предрасположенностями, которые неправомерно вменять в вину человеку, получившему их по родовой линии, как своего рода наследственную «эстафету».

В то же время за личные духовно-нравственные проступки и преступления перед совестью и прежде всего умышленного характера каждый человек несёт личную ответственность и поэтому они уже могут в полной мере именоваться личным грехом.

«На вопрос, вменяется ли человеку в вину это расстройство его природы, с которым он является на свет, мы должны ответить безусловно отрицательно на основании всего, что сказано о грехе. Понятие вменения в Писании постоянно самым решительным образом связывается с свободным нравственным деянием; где нет свободы и сознания, там не может быть вины.» (Кремлёвский А. М., Православная богословская энциклопедия. Том 4, Грех первородный)

Исходя из разной глубины залегания данных трёх видов повреждений понятно, что легче всего поддаётся осмыслению и осознанию для исповедования и искоренения (покаяния) т.н. личный грех.

Гораздо сложнее поддаётся осмыслению и исповедованию родовое повреждение. И, наконец, сложнее всего поддаётся осмыслению и исповеданию первородное повреждение, связанное с искажением самой основы и энергийной структуры души.

Любопытна этимология слова грех. Дело в том, что в переводе с греческого грех или *αμαρτία* (αμαρτια) буквально означает непопадание в цель или промах.

Концентрическая схема психического бытия, напоминающая «мишень», в центре которой Господь, наглядно показывает, что целью ума головы (рассудка), расположенного на самой периферии когнитивной сферы и является Бог, как духовное начало, расположенное глубоко внутри и цель жизни каждого человека – это прийти или попасть умом и сердцем к Богу. Всё, что оказывается мимо цели и есть грех или вред самому себе.

Таким образом, начинаясь с поверхностного уровня осмысления личного греха, покаяние по мере внутренней душевно-духовной работы распространяется на более глубокие уровни залегания родовых повреждений, и в конечном счёте переходит к самому глубокому уровню первородного повреждения.

Из многослойности психического бытия несложно понять, что в процессе покаяния оказывается задействованной не только мышление, но и память, поскольку тому, кто углубляется в покаяние приходится как бы заново вспоминать, перепросматривать и переосмысливать всю свою жизнь. В процессе столь глубокого покаяния и исповедания всех видов поврежденности,

качественно меняется вся человеческая природа, причём, не просто меняется, но преображается и возвращает себе своё утраченное некогда достоинство и совершенство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.